

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНО–КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Олег Анатольевич ТИМОФЕЕВ,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра геополитических исследований Амурского государственного университета (АмГУ), г. Благовещенск.

Автор исходит из предпосылки, что американско-китайские отношения превращаются в одно из наиболее важных взаимодействий современного мира. Транснациональные сети связей между двумя странами способствуют появлению и эволюции институтов управления, действующих как на двустороннем, так и на системном уровне. В статье показано, как рост уровня взаимозависимости между США и Китаем способствует появлению новых механизмов сотрудничества, которые могут быть объяснены необходимостью снижения репутационных издержек.

Ключевые слова: американско-китайские отношения, стратегический и экономический диалог, Чаймерика, «большая двойка».

Strategic and economic dialogue in the structure of the contemporary US-China relations
O.I. Timofeev, Candidate of Historical Sciences, senior researcher of Center of geopolitical researches, Amur State University, Blagoveshchensk.

The study argues that the US-China relations are transforming into one of the most important relationships of the modern world. The transnational network of linkages drove the emergence and evolution of high-profile institutions of governance that belong to both dyadic and system levels of the relationship. The author narrates the surprising and rapid spread of interdependence between the US and China, a process which suggests that reputational utility should be considered as a possible explanation for institution emergence.

Key words: the US-China relations, strategic and economic dialogue, Chimerica, G-2.

Происходившие в мире процессы распада старых колониальных империй, укрепления договорно-процессуальных начал в международных отношениях, региональной интеграции внеблокового характера, повышения роли экономических факторов в начале 70-х гг. XX в. позволили сделать вывод о дрейфе основных глобальных тенденций от «политики высокого уровня» (high politics), к которой относили проблемы войны и мира, обеспечения стратегической стабильности, баланса силы между великими державами в мире в сторону политики низкого уровня (low politics). Под этим термином подразумевались, прежде всего, политические проблемы международной экономики, которую затронули тектонические изменения. Стало понятно, что не только мощь ракетно-ядерных потенциалов,

но и степень экономического влияния становится краеугольным камнем, лежащим в основании глобальных характеристик великих держав.

После окончания «холодной войны» экономическая проблематика окончательно приобрела стратегический характер. Запад, добившийся глобальной победы над лагерем социализма, более не нуждался в использовании стратегии устрашения в качестве основного средства, обеспечивавшего собственное доминирование в мире. Более актуальными становятся идеи глобализации, наиболее успешным измерением которой опять-таки предстают наднациональные процессы, приобретающие действительно мирохозяйственный характер, а зачастую и статус. Не случайно Россия по-прежнему обладавшая ракетно-ядерным потенциалом, значительно превосходившим уровни других мировых держав, за исключением США, в середине первого десятилетия предложила переход к новым измерениям собственных глобальных приоритетов, зафиксированных в формуле «энергетической сверхдержавы», что позволяет претендовать на своё заметное место в мировой политике в принципиально новых условиях.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В наибольшей степени новые мирополитические реалии устраивают Китай, успешно сочетающий в избранной модели встраивания в мировую экономику достоинств гигантской авторитарной развивающейся страны с обществом сервилльного (термин Л.С. Васильева) типа и отсутствие недостатков, присущих другим великим державам XX в. На практике это означает возможность сверхконцентрации производства, рассчитанного на глобального потребителя при отсутствии необходимости нести огромное бремя социальных гарантий, развивать демократические институты, требующие значительных расходов со стороны государства. Конкурентные преимущества КНР на международных рынках обусловлены, прежде всего, возможностью поддерживать низкий уровень издержек на оплату рабочей силы, используя её практически неограниченно.

В последнее время Китай стал идеальной гигантской производственной площадкой для организации трудоёмких экспортных производств любого объёма. Лишь за период 2000—2005 гг. его доля в мировой торговле выросла почти в два раза — с 3,6 до 6,9% [1]. В 2009 г. КНР, опередив Германию (1,1 трлн. дол. США), вышла на первое место в мире по объёму экспорта (1,2 трлн. дол.).

Экономическое сотрудничество является основным элементом американо-китайских отношений. В течение уже нескольких лет США являются главным внешнеторговым партнёром Пекина среди стран мира. В 2003 г. по объёму товарооборота с Америкой Китай вышел на второе место, опередив Мексику — партнёра Вашингтона по НАФТА. В 2008 г. импорт из КНР практически сравнялся с аналогичным показателем другого участника НАФТА — Канады (339 млрд. дол.), а через год значительно превысил его (296 и 225 млрд. дол. соответственно). Объём американо-китайской торговли в 2004—2009 гг. [2] (см. табл. 1).

Таблица 1

Объём торговли между США и КНР (в млрд. дол. США)

	Импорт США	Экспорт США	Всего
2001	102,28	19,18	121,46
2002	125,19	22,13	147,32
2003	152,44	28,37	180,81
2004	196,69	34,74	231,43
2005	243,47	41,93	285,40
2006	287,77	55,19	342,96
2007	321,44	65,24	386,68
2008	337,79	71,46	409,25
2009	296,40	69,58	365,98

Как видно из табл. 1, в последние годы двусторонняя торговля развивалась по модели аутсорсинга — замещения внутреннего производства в США дешёвым импортом, что приводило к преимущественному увеличению доли китайского экспорта в структуре товарооборота. В 2007 г. американский торговый дефицит превысил гигантскую сумму в 250 млрд. дол. Гигантский отрыв Пекина отмечен в конкурентной борьбе с восточно-азиатскими соседями, значительный сегмент экономики которых также ориентирован на производство товаров, экспортируемых в США [3] (см. табл. 2).

Таблица 2

Процентная доля стран и регионов в торговом дефиците США

	1987	2007
АСЕАН-5 (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины)	4,7%	5%
Гонконг	3,9%	1,6% (объём экспорта из США превышает объём импорта)
Тайвань	13,1 %	1,5 %
Япония	37,0 %	10,4 %
Китай	1,8 %	32,0 %
Восточная Азия в целом	66,4 %	48,9 %

В начале XXI в. ускорился процесс структурной институционализации торгово-экономических связей между двумя странами. В декабре 2003 г. в ходе своего визита в США премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао предложил в целях устранения разногласий расширить формы сотрудничества, а также повысить роль координационных механизмов в двусторонних отношениях. Тогда же после переговоров с Дж. Бушем было принято решение о переводе работы созданной в 1983 г. комиссии по торговле на межминистерский уровень.

В 2006 г. образовался механизм стратегического экономического диалога, сопредседателями которого стали министр финансов США Г. Полсон и вице-премьер Госсовета КНР У И (в марте 2008 г. в так называемом «вто-

ром» правительстве Вэнь Цзябао пост вице-премьера, курирующего торговлю и внешнеэкономические связи, занял Ван Цишань). Консультации, в ходе которых обсуждался комплекс торгово-экономических отношений между двумя странами (дефицит внешней торговли, тарифные и нетарифные барьеры на пути товаров и услуг, тематика «агрессивных приобретений и слияний», недооценённость китайского юаня и её влияние на торговый дисбаланс, покупка Китаем долговых обязательств правительства США и т.д.), проходили два раза в год.

По предложению председателя КНР Ху Цзиньтао (президенту США Дж. Бушу) на саммите АТЭС в 2004 г. был запущен механизм общеполитического диалога на высоком уровне. В ходе состоявшегося в 2005 г. первого стратегического диалога китайская сторона предложила назвать его высоким стратегическим (*гаоцэн чжаньлюэ дуйхуа*), однако Вашингтон отклонил идею, сославшись на то, что подобный формат характеризует отношения США лишь с ближайшими союзниками. В результате название данного контактного механизма получило два альтернатива: *senior dialogue* — в американской и *чжаньлюэ дуйхуа* — стратегический диалог в китайской версии. Встречи и консультации между первым заместителем госсекретаря США и первоначально заместителем главы МИД КНР проходили 1—2 раза в год.

Администрация Б. Обамы в 2009 г. приняла решение о распространении на отношения с Китаем формата «2+2», ранее охватывавшего (как консультации министров иностранных дел и обороны) стратегический диалог Вашингтона с Японией и Россией. В ходе первой личной встречи между Б. Обамой и Ху Цзиньтао в Лондоне 1 апреля 2009 г. была достигнута договорённость о том, что на основе объединения общеполитического и экономического диалогов будет создан стратегический и экономический диалог (S&ED), определяемый администрацией США как часть усилий по развитию отношений позитивного всестороннего сотрудничества с Пекином (*positive, cooperative and comprehensive relationship with Beijing*) [4].

Эксперты двух стран отмечают, что подобная структура означает не просто механическое объединение двух ранее запущенных форматов, но выход на качественно иной уровень институционализации отношений. Так, бывший директор Института США Китайской академии современных международных отношений Фу Мэнцзы отмечает, что такие проблемы, как изменение климата и энергетика, имеют перекрёстный (*цзяо-ча-дэ*) характер и нуждаются в совместных усилиях целого ряда ведомств [5]. При этом внутренняя структура создаваемого диалогового механизма, по крайней мере в ближайшее время, будет носить достаточно гибкий характер. Показательно, что даже во время саммита в Лондоне американской стороной не было окончательно определено, какое из ведомств возьмёт на себя функции по курированию исключительно важной для Вашингтона дискуссии по реализации Десятилетней программы сотрудничества в области энергетики и окружающей среды (China-U.S. Ten Year Energy and Environment Cooperation Framework), подписанной 18 июня 2008 г., на пике глобального «ралли» цен на углеводородное сырьё и предполагающей

активизацию двустороннего сотрудничества в сфере развития высокоэффективных так называемых «чистых» технологий на основе широкого использования и внедрения технических инноваций, что по замыслу крупнейших мировых потребителей должно стабилизировать устойчивость рынка энергоресурсов [6].

В рамках общего диалогового механизма S&ED были созданы «две дорожки»: стратегическая (Strategic Track), в которой США представляет госсекретарь Х. Клинтон, а Китай — член президиума Госсовета Дай Бинго, и экономическая (Economic Track): США — министр финансов Т. Гейтнер, Китай — вице-премьер Ван Цишань.

Безусловно, с точки зрения распределения полномочий в китайской политике администрации Б. Обамы, подобный формат диалога прежде всего повышал статус госсекретаря Х. Клинтон. Во-первых, бывшая соперник президента в ходе праймериз демократической партии получала в свои руки дополнительные административные козыри, тем более важные, что речь идёт об отношениях с Пекином, придающим особое значение преемственности (*ляньюйсин*) в любых аспектах отношений с другими странами. Во-вторых, повышался статус и возглавляемой ею «дорожки», в переговорах с Китаем Senior Dialogue был лишь внутриведомственным механизмом. Кроме того, Клинтон отыграла досадное для себя личное поражение, связанное с назначением послом в Пекине бывшего губернатора штата Юта Дж. Хантсмана, рекомендованного Советом национальной безопасности вопреки мнению Госдепартамента.

В состав китайской делегации, прибывшей на состоявшийся в Вашингтоне 27—28 июля 2009 г. первый раунд диалога, входило более 150 официальных лиц, в том числе 28 чиновников министерского уровня, что превратило её в наиболее многочисленную правительственную делегацию из Пекина, когда-либо посещавшую Вашингтон. На состоявшемся в Центре им. Рональда Рейгана первом пленарном заседании участников диалога выступил президент США, который предрёк, что американо-китайские отношения будут формировать XXI век (*shape the 21st century*), также было зачитано приветственное послание председателя КНР Ху Цзиньгао. Китайские участники побывали в Конгрессе и встретились с вице-президентом США Дж. Байденом. Повестка консультаций экономического блока включала в себя самые разнообразные проблемы сотрудничества, однако было решено сфокусироваться, прежде всего, на поиске путей выхода из глобального финансового и экономического кризиса. Что касается стратегической дорожки, то здесь дискуссия велась по основным блокам проблем: двусторонние отношения, международная безопасность (нераспространение ОМУ, борьба с терроризмом), глобальное развитие (противодействие развитию пандемий, устойчивое развитие, энергетика, глобальные институты), региональная безопасность и стабильность, прежде всего в таких регионах, как Иран, Северная Корея и Афганистан.

Состоявшиеся переговоры получили высокую оценку со стороны экспертных сообществ обеих стран. Так, по мнению директора Института США Китайской академии современных международных отношений

Юань Пэна, практическая значимость состоявшегося диалога определяется следующими результатами:

- сам факт создания постоянно действующего диалогового механизма, охватывающего столь разнообразные и взаимозависимые сферы двустороннего сотрудничества;
- подписание в ходе консультаций меморандумов о сотрудничестве в сфере энергетики и защите окружающей среды;
- взаимное обещание обеспечивать стабильность национальных и глобальных финансовых рынков, что подразумевает и защиту размещённых в США китайских финансовых активов, в отношении сохранности которых власти КНР многократно выражали озабоченность со времени начала мирового финансового и экономического кризиса;
- решение о возобновлении полномасштабного диалога между оборонными ведомствами двух стран, что открывает путь к нормализации военных контактов [7].

В соответствии с общепринятым мнением именно низкий уровень доверия между оборонными ведомствами двух стран служит основным препятствием на пути поиска моделей максимальной сбалансированности в двусторонних отношениях. С идеей о встраиваемости военных контактов в трансотраслевую структуру диалога с КНР согласны и американские эксперты. Так, в частности в совместно опубликованной статье директор центра изучения проблем национальной безопасности Военного колледжа К. Батс и руководитель программы экологической безопасности Китая в центре им. В. Вильсона Дж. Дабелко полагают, что одним из драйверов, способствующих запуску военного диалога с Пекином, может стать обсуждение экологической повестки. По их мнению, Пентагон может вполне успешно использовать опыт своего сотрудничества с военными ведомствами России и других стран по ликвидации угроз радиоактивного заражения на постсоветском пространстве. Кроме того, с конца 90-х гг. представители оборонных ведомств США и КНР регулярно контактируют в ходе международных конференций, посвящённых таким проблемам, как адаптация к изменениям климата и ликвидация последствий природных бедствий.

Экологическая проблематика вряд ли будет вызывать острые политические трения и сможет стать одной из наиболее оптимальных платформ для развития военного диалога как на двусторонней, так и многосторонней основе. Апеллируя к основным положениям теории неофункционализма (прежде всего, его тезису о «перетекании» механизмов сотрудничества из одной сферы в другую), авторы утверждают, что обсуждение широкого круга вопросов в ходе таких контактов будет способствовать выработке у сторон так называемой «привычки к сотрудничеству» на системном уровне, а также повышению уровня взаимного доверия между влиятельными военными и политиками двух стран. С другой стороны, решение энергетических и экологических проблем также могло бы послужить во благо самих оборонных ведомств, снижая риск пандемий среди военнослужащих и оптимизируя военные расходы за счёт уменьшения в них доли энергетических издержек [8].

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ И ПОИСКИ СТРУКТУР ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Оценки в США процессов, характерных для современных американо-китайских отношений, свидетельствуют о заметном отходе от устоявшихся в последнее десятилетие парадигм, либо оценивающих Китай как ревизионистское государство, бросающее вызов сложившемуся мировому порядку (наступательный реализм), либо предрекающих вызванный снижением экономического роста коллапс, сопровождающийся переходом к более агрессивной внешней политике (оборонительный реализм). По мнению Д. Ларсен и А. Шевченко, из трёх компонентов статусности, предлагаемой теорией социальной идентичности (мобильность, конкуренция, креативность), Пекин демонстрирует лишь стремление к социальной мобильности, выражающееся в желании избавиться от «синдрома хрупкости» (термин Г. Хардинга) [9], выталкивавшего его за границы «клуба избранных». Упомянутые авторы выявляют совпадение планов Китая по легитимизации собственного статуса с признанием его Соединёнными Штатами, если китайские власти будут вести себя соответственно (*behave correspondingly*). С другой стороны, участие Китая в различных международных организациях не превращает его в «равного соперника» (*peer competitor*) Вашингтона, так как большинство этих организаций действуют на основе консенсуса, а некоторые их члены являются союзниками и близкими партнёрами США [10].

Однако наибольший международный отклик в последние годы вызвали проекты создания обновлённых механизмов глобального управления, основанных на американо-китайском стратегическом партнёрстве, развиваемом, по мнению ряда экспертов, не только как рост уровня взаимозависимости, но и сплава (*fusion*) между двумя сверхдержавами [11]. Профессор Гарвардского университета Н. Фергюсон облёк идею разделения глобальной ответственности между США и Китаем в довольно провокационную для Запада форму «Чаймерики» (*Chimerica*) [12]. По его мнению, подобный симбиоз воплощает две критических характеристики современной глобальной экономики: ускоренную глобализацию производства, вызванную наличием огромной массы дешёвой рабочей силы; накопление резервов иностранной валюты, передаваемых правительству США, что способствует повсеместному снижению ставки рефинансирования во всём мире.

Сплав между двумя странами (у Фергюсона — это Западная и Восточная Чаймерики) дополняется так называемыми «линкиджами» — связками, выводящими на международную арену внутренние, прежде всего макроэкономические факторы (см. табл. 3).

В своей работе, комментирующей предложенную три года назад парадигму, Н. Фергюсон расширяет географические границы Чаймерики практически до глобальных масштабов. Многие азиатские страны следуют примеру Китая в реализации стратегии привязки национальных валют (*currency peg*) к доллару и аккумуляции международных валют, что в свою очередь позволяет финансировать платёжный дефицит «Англосферы» и её сателлитов (*Anglosphere and its satellites*) [13].

Таблица 3

Мирополитические проявления взаимосвязи между внутренними факторами развития США и Китая

	Западная ЧАЙМЕРИКА (ЗЧ)	Восточная ЧАЙМЕРИКА (ВЧ)
Экономико-цивилизационные характеристики	Процветание и гедонизм	Жители бедные. Даже учитывая разницу покупательной способности национальных валют, их доход на душу населения составляет лишь 16% от уровня ЗЧ
Экономические преимущества населения	Бизнес, маркетинг и финансы	Инженерные специальности и производство
Приоритеты потребления и накопления	Значительный уровень потребления и низкий — накопление финансовых средств	Более осторожное отношение к потреблению, что позволяет ВЧ быть кредитором ЗЧ. Достигаемый таким образом высокий уровень потребления ЗЧ позволяет сохранять рабочие места ВЧ
Последствия	Займствование у ВЧ накопленных таким образом средств	Формирование значительного положительного сальдо в торговом балансе
Последствия для глобальной финансовой системы	Снижение ставки рефинансирования в ЗЧ и на ведущих глобальных рынках	Приобретение государственных казначейских обязательств ЗЧ

Другим более «раскрученным» акронимом, применяемым при определении глобальных аспектов американо-китайского взаимодействия, стала формула «Большой двойки» (*G-2*). К этой теме обратились два американских политика, считающихся наиболее авторитетными специалистами по Китаю, — Р. Золика и З. Бжезинский. По мнению руководителя Всемирного Банка, крупнейший глобальный потребитель (США) и крупнейший резерв свободных валютных средств (Китай) должны, прежде всего, объединить усилия, чтобы предотвратить длительный глобальный спад. Обе страны уже объявили о пакетных мерах, стимулирующих развитие национальных экономик. Так, в КНР принято решение о выделении стимулирующего пакета размером более 580 млрд. дол., нацеленного на реализацию инфраструктурных проектов и социальных программ. Выделенные китайским руководством средства равнялись приблизительно 12% ВВП. Основной путь противодействия кризису, по заявлению экономических и монетарных властей в Пекине, видится в активном стимулировании внутреннего спроса. Вместе с тем Р. Золик считает, что Соединённые Штаты вновь полагаются на повышение потребления, а Китай снова наращивает инвестиционные фонды, что создаёт новые угрозы для глобальной экономики, так как сам нынешний мировой финансовый и экономический кризис, видимая часть которого (в другой интерпретации — «первое дно») пришлась на 2008—2009 гг., был вызван дисбалансом между долей личного потребления и сбережений в США и Китае. С одной стороны, доля личного потребления в американском ВВП интенсивно расширялась в сочетании с нулификацией доли сбережений в совокупном доходе домохозяйств, в то время как Китай был охвачен прямо противоположными тенденциями.

Сотрудник Фонда Карнеги М. Петтис считает, что в анализ внутренних факторов, влияющих на состояние американско-китайских экономических отношений, должны быть введены три основные макроэкономические переменные (накопление, потребление и инвестирование), лишь в своей совокупности стерилизующие излишнюю долю «горячей» денежной массы. Внутренние факторы в нынешних условиях играют куда большую роль, нежели такой экстенсивный критерий, как объём торгового дефицита между США и Китаем. Снижение последнего может происходить в соответствии как с позитивными, так и негативными сценариями, обусловленными фундаментальными причинами.

Позитивные сценарии. Инвестиции растут одновременно с ростом сбережений в США. Если инвестиции растут в США, американский внешнеторговый дефицит не уменьшается, поскольку страна вынуждена импортировать разницу между объёмом инвестиций и сбережений. Торговый дефицит уменьшается лишь в том случае, если объём инвестиций увеличивается в Китае. Объём потребления в Китае растёт по мере роста уровня сбережений в США, что приводит к снижению отрицательного сальдо последних в двусторонней торговле. Рост потребления формирует дополнительный прирост ВВП в КНР, а снижение торгового дефицита — в США.

Негативные сценарии. В связи со снижением американского ВВП уровень сбережений не растёт, несмотря на рост процентных ставок. Снижение объёма инвестиций ведёт к снижению дефицита в торговле с Китаем.

Рост потребления в Китае снижается ниже уровня 8—9%, характерно для последних лет. Меры по снижению объёма сбережений приводят к замедлению прироста ВВП и снижению положительного сальдо в торговле с США [14].

По мнению Р. Золика, следует провести «перезагрузку» повестки стратегического экономического диалога между Китаем и США. Его рецепты обеим сторонам носят традиционный характер. Соединённые Штаты должны сократить масштабы потребления финансовых ресурсов. Одновременно Китаю следует предпринять безотлагательные меры по стимулированию импорта, без чего он стоит перед риском испытать исключительно острое и болезненное падение экспорта [15]. Следует отметить, что Китай становится одним из потенциально наиболее перспективных объектов роста американского экспорта. Уже сейчас он занимает третье место в рейтинге импортёров американских товаров, уступая лишь партнёрам Вашингтона по НАФТА. Приведённый график со всей очевидностью демонстрирует, что с 2006 г. ежегодные темпы роста объёмов американского экспорта превосходили аналогичный китайский показатель, а в кризисном 2009 г. падение было значительно более плавным.

Указанные тенденции способны не только самым положительным образом сказаться на общем состоянии торгового баланса США, но и расширить влияние «прокитайского» лобби среди экономической элиты. При этом группа политического давления может формироваться на основе как отраслевого, так и географического принципа. Как показывают статистические данные, приведённые специалистами Университета Южной Калифорнии, в течение последнего десятилетия суммарная доля в 40—50% от объёма

всего экспорта в Китай приходилась на три штата: Калифорнию, Техас и Вашингтон [16]. Вполне объяснимы в данной связи и такие, например, символические жесты бывшего президента и губернатора Техаса Дж. Буша-мл., как личное посещение церемонии открытия Олимпийских игр 2008 г. в Пекине или участие в работе экономического форума в Боао весной 2009 г.

Таблица 4

Объёмы экспорта в Китай производителями некоторых штатов США, млрд. дол.

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Калифорния	2 394	3 546	4 676	4 483	5 443	6 847	7 821	9 971	10 566	10 982
Техас	900	1 452	1 578	2 052	3 058	4 461	4 945	6 642	8 279	8 422
Вашингтон	2 041	1 901	2 929	3 923	3 269	2 784	4 288	5 282	7 311	8 310

3. Бжезинский полагает, что на нынешнем этапе отношения между двумя странами не могут быть статичными — они могут либо расширяться, либо сужаться. Мир извлечёт только пользу, если эти отношения будут расширяться. При этом, по мнению одного из корифеев современной американской геополитики, основой этих отношений должны быть не только меры, предпринимаемые для преодоления глобального кризиса, но и геостратегическое сотрудничество, наиболее очевидными региональными проявлениями которого могли бы стать усилия по свёртыванию ракетно-ядерных программ КНДР и Ирана, налаживание диалога между Индией и Пакистаном, включение Китая в процесс урегулирования израильско-палестинского конфликта. Однако для решения этих задач США и Китай нуждаются в постоянно действующем механизме в формате G-2. Лишь в этом случае отношения между двумя странами выйдут на глобальный уровень, на котором в настоящее время находятся отношения США с Европой и Японией. Идеологической основой могут стать миротворческие инициативы Б. Обамы и разрабатываемые Ху Цзиньтао идеи «гармоничного мира» [17].

Таким образом, политологи США и Китая вновь находятся в поисках взаимоприемлемых формул, отражающих ключевые характеристики двусторонних отношений, их роль и место в современной глобальной политике. Новым по сравнению с предыдущими попытками является наличие солидного институционального фундамента, созданного в предшествующее десятилетие, основу которого составляет механизм стратегического и экономического диалога между двумя странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Рогожин А.А. Внешнеэкономические аспекты безопасности Китая // Китай в XXI в.: глобализация интересов безопасности / под ред. Г.И. Чуфрина. М.: Наука, 2007. С. 84.
2. US International Trade Administration. URL: <http://ita.doc.gov/td/industry/otea/ОТII/ОТII-index.html>
3. Derek Scissors. Deadlines and Delays: Chinese Revaluation Will Still Not Bring American Jobs. Heritage Foundation WebMemo. (дата обращения: 06.04.2010). — URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2010/04/Deadlines-and-Delays-Chinese-Revaluation-Will-Still-Not-Bring-American-Jobs>
4. Hillary Rodham Clinton and Timothy Geithner. A New Strategic and Economic Dialogue with China // Wall Street Journal. 2009. 27 July.
5. URL: http://www.chinapressusa.com/newscenter/2009—07/25/content_232285.htm
6. Dan Neumann. Obama, Hu Avoid Trade, Currency Issues, Announce New Dialogue Format // Inside US-China Trade (дата обращения: 08.04.2009).
7. Юань Пэн. Цзеду шоулунь Чжун-Мэй чжаньлюэ юй цзинци дуйхуа сюй юй ши = О формальных и содержательных результатах первого китайско-американского стратегического и экономического диалога. Интервью Агентству Синьхуа (дата обращения: 30.07.2009). — URL: http://news.xinhuanet.com/world/2009—07/30/content_11798351.htm
8. Kent Hughes Butts and Geoffrey D. Dabelko. One Way to Boost US-China Military Cooperation // Christian Science Monitor. 2009. 21 april.
9. Harry Harding. A Fragile Relationship: The United States and China since 1972. Washington: Brookings, 1992.
10. Deborah Welch Larson and Alexei Shevchenko. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // International Security. Vol. 34, No. 4 (Spring 2010). P. 84—86.
11. Zachary Karabell. Superfusion: How China and America Became One Economy and Why the World's Prosperity Depends on It. New York: Simon & Schuster, 2009.
12. Niall Ferguson and Moritz Schularick. 'Chimerica' and the Global Asset Market Boom // International Finance. 2007. No. 3. P. 215—239.
13. Niall Ferguson. What "Chimerica" hath Wrought // American Interest, January/February 2009. — URL: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=533>
14. Michael Pettis. Sharing the Pain: The Global Struggle Over Savings // Carnegie Policy Brief. 2009. № 84. P. 6—7.
15. Robert B. Zoellick and Justin Yifu Lin. Recovery Rides on The 'G-2' // Washington Post. 2009, March 6. P. 15.
16. U.S. State Exports to China 1999—2008. — URL: http://www.uschina.usc.edu/article@usct?u_s_state_exports_to_China_1999—2008_10670.aspx
17. Zbigniew Brzezinski. The Group of Two That Could Change the World. Financial Times (дата обращения: 13.01.2009) // URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html>